

По рукам и ногам

Автор:

Маша Малиновская

По рукам и ногам

Маша Малиновская

Со стеклом. В ритме чувств #2

Семь лет назад я совершила чудовищную ошибку, бросив влюблённого в меня парня. Жизнь, словно в отместку, закружила, швырнула меня на дно и... свела нас вновь. Только теперь он успешный владелец клуба, а я простая официантка, которая осмелилась попросить его о помощи. Впрочем, очень скоро об этом пожалела... Зная, что у меня нет выбора, он окинул холодным взглядом и предложил то, на что согласится не каждая...

Содержит нецензурную брань.

Маша Малиновская

По рукам и ногам

Маша Малиновская

* * *

Пролог

На этой улице слишком тихо. Темно, неуютно, мрачно под светом жёлтых фонарей. И страшно. От собственного громкого дыхания, от слишком звонкого цокота каблучков, от того, что я знаю, что они где-то там, сзади. И они не отстанут.

Припускаю шаг почти на бег, стараясь меньше клацать каблучками об асфальт. Прижимаю сумочку плотнее к груди и всё же начинаю бежать. Успеваю нырнуть в тёмную арку между домами на Рабочий переулок, прежде чем их машина вырывается из-за угла, освещая пустынную улицу фарами.

Асфальт дальше неровный, только ноги переломаю, если побегу. До дома не так уж и много, но встречи с этими парнями нужно избежать любой ценой. Поэтому я решаю, что вряд ли далеко убегу, только привлеку внимание лишним шумом. А так спрячусь тут в нише на углу за аркой – не должны заметить. И надоумило же меня натянуть сегодня каблучки. Дура.

Дура и есть дура. Пришла к нему, приползла за помощью. На что рассчитывала, Карташова? Он давно не твой принц на белом коне. Сама виновата, вертихвостка. Наломала дров, разбила ему сердце тогда, теперь получи – распишись.

Я совсем отчаялась. Верёвка на шее затянулась донельзя. И я пошла к нему. Котовский – единственный, кто может мне помочь, к кому я вообще могу обратиться в этом городе.

– Игорь, пожалуйста, помоги. Я в безвыходном положении.

Кот проходится по мне равнодушным взглядом, словно морозом обдавая.

– Я буду очень стараться, брать по две смены – всё отработаю. Но мне очень нужны сейчас деньги. Много.

– Сколько? – интересуется, не глядя на меня, будто из чистого любопытства, а не желания помочь.

– Миллион.

Присвистнув, Игорь поднимает брови и смотрит с насмешкой, а я не знаю, куда деть глаза.

– Штат у нас хорошо укомплектован, Маша, в твоих дополнительных сменах не нуждаемся. Да и если по чести, ты далеко не самая лучшая официантка. А теперь мне пора.

Он проходит к двери своего кабинета, выпроваживая меня, а я теряюсь. Я так надеялась на его помощь, и если сейчас он меня пошлёт, что уже собственно и произошло, понятия не имею, что буду делать. Хоть в петлю. Осталось только в неё, потому что жить столько лет в этом аду больше я не могу.

– Игорь, прошу! – хватаю его за рукав рубашки.

Кот тормозит и изумлённо смотрит на меня, перехватывая запястье.

– Пожалуйста! – не могу сдержать навернувшихся слёз. – Я знаю, что ты на меня до сих пор злишься, знаю. Но мне больше не у кого попросить. Я прошу тебя, я буду делать всё, что скажешь, любую работу. Что угодно.

– Что угодно? – смотрит пристально, сузив глаза, и сжимает моё запястье сильнее. – Вот так вот раскидываешься обещаниями?

– Всё что скажешь, – говорю едва слышно, прекрасно понимая суть его вопроса. И он понимает суть моего ответа. Низко, стыдно, позорно, но я и так на дне. Лучше он, чем они. Да чего уж – чем кто-либо. Да только поняла я это слишком поздно. Что лучше него нет никого.

Внезапно Кот дёргает меня за руку и прижимает спиной к себе, подавшись бёдрами вперёд. Едва не вскрикиваю от неожиданности и страха, но удерживаюсь, сцепив зубы.

– Ты предлагаешь себя, совершенно не задумываясь, что с тобой могут сделать.

– Я доверяю тебе, – выдыхаю едва слышно. Это же Игорь. Старше, шире в плечах, жёстче в манерах. И больше не мой. Но это он.

Дыхание спирает, когда я чувствую, как его длинные пальцы чуть сжимаются на моём горле. Совсем немного, но меня это до чёртиков пугает. Зачем он так со мной? Обижен, я всё понимаю, но ведь прошло целых семь лет! Что такого с ним произошло, что сломалось, что он совершенно изменился? Или я его тогда так и не узнала достаточно?

– Не боишься, что то, что я потребую, окажется пострашнее того, от чего ты бежишь? – говорит на ухо, и я понимаю, что он сейчас не блефует, не запугивает. – Не стоит так слепо доверять мне, Мария. Мы давно не виделись. Много изменилось. Мои вкусы, например. Интересы.

Сердце бьётся в груди гулко-гулко. Я прекрасно понимаю, что речь сейчас идёт не о моих прямых обязанностях официантки. Аплодируем стоя, Карташова, ты готова продаться? Знаешь, как таких называют?

– Игорь...

– Сможешь соответствовать?

– Я не...

Он отпускает меня, и я делаю шаг назад. Всматриваюсь в такие некогда знакомые глаза, которые сейчас абсолютно чужие. Холодные. Хищные.

– Подумай, Мария.

Он открыл двери, выпроводив меня, а я ушла ошарашенная. Если Игорь даст мне деньги, я останусь целой и невредимой. Маму они тоже не тронут тогда, но какую цену должна буду заплатить? Чего именно он хочет? Точнее, как именно? Может, Котовский стал извращенцем и делает с женщинами что-то нехорошее?

Ну дурь, не может быть. Раньше Кот мог поиграть в грубость, но никогда не пересекал грань, всё равно каждый раз скатываясь к нежным ласкам. Мог ли так разительно измениться за эти семь лет? Не верю, не хочу в это верить.

Из клуба я вышла растерянной. Да, я скатилась на дно. Но я не шлюха. У меня отобрали право жить как хочется, радоваться каждому новому дню, но никто не

посмеет отобрать у меня право распоряжаться собственным телом.

Так я думала, когда выходила из клуба. Сейчас же, спустя двадцать минут, обливаясь слезами и пытаюсь заглушить ладонью собственные всхлипы, ободрив коленки о грязный асфальт подворотни, я думаю совсем иначе. Либо Игорь, либо толпа ублюдков. Я прекрасно понимаю, что это больше не мой Котовский, не тот загадочный и улыбчивый парень, влюбившийся в меня без памяти. Не тот, чью любовь я так необдуманно предала. Он другой. Непонятный, скрытный, опасный. Но лучше он, и я готова рискнуть. Тем более, что выбора у меня и нет.

Глава 1

– Ариш, я уже у входа, – прижимаю телефон плечом к уху, пытаюсь откопать в сумочке расчёску. – Ты выйдешь за мной?

– Нет, – отвечает девушка. – Я предупредила охранников на входе, заходи и топай к барке. Я уже жду тебя.

С Ариной Князевой мы познакомились в прошлом году на курсах массажа. Как-то так и подружились. У меня в этом городе в принципе нет ни друзей, ни знакомых. Только работа. Много-много всякой непостоянной, малооплачиваемой работы. Вот сегодня шесть часов делала массажи, бегая по клиентам, а заработала тысячу рублей. Ну потому что как я возьму за сеанс много с дедушки-инсультника, у которого пенсия мизерная? А куда-то в салон хороший устроиться не получается, везде нужны рекомендации и опыт работы. А где его взять-то? Вот и приходится подрабатывать по мелочи.

Но в Сочи я приехала не просто так. Всё же перспектив тут больше, особенно летом. Хотела найти работу где-нибудь в гостинице горничной, а там, если хорошо себя зарекомендую, может и на ресепшн посадят. На внешность мне жаловаться грех, манеры тоже есть. Только бы показать это всё.

Но пару дней назад встретились на пляже с Аришкой, я ей и сказала о своих планах, она тут же восторгалась и позвала к себе. Работает Князева в известном ночном клубе «Royal Night», там в любое время года аншлаг. Она так

обрадовалась, потому что собралась с парнем в гости к его родителям в Москву, но пора сейчас горячая, клуб работает на полной мощности, и босс ей сказал, что отпустит в отпуск, только если она найдёт себе надёжную замену. А я уже как-то работала официанткой. Да и потом, когда Арина назвала свою зарплату без учёта чаевых, то планы на работу в гостинице я тут же задвинула куда подальше. А деньги мне крайне нужны.

– Меня зовут Мария Карташова, вас должны были предупредить обо мне, – улыбаюсь дружелюбно охраннику. Если всё получится, её босс одобрит, то мы с этим огромным парнем будем коллеги, а значит быть милой не помешает.

Но суровый блюститель порядка мне отвечает только коротким кивком после сканирования сердитым взглядом паспорта, а потом указывает на вход.

Сжимаю кулаки и вхожу. Всё получится. Должно. Мне нужна высокооплачиваемая работа, иначе беда. Я эти годы едва выкарабкивалась, а сейчас совсем туго.

Всё началось с того момента, как моя мама – заведующая отделением скорой помощи в крупной государственной клинической больнице – решила попытаться помочь своему отделению, для которого бюджет урезали всё больше и больше. Попросту приняла взятку и помогла кому-то с оформлением документов, а выкроенные деньги до копейки вложила в обустройство отделения. Но государство этого не оценило, когда её сдали. Маму уволили, судили, и чтобы оплатить штрафы, адвокатов и оставить мать на свободе, потребовалось много денег. Коллеги её не поддержали, руководство больницы тоже. Родственников у нас нет, друзья её и благодарные пациенты куда-то испарились. Нам пришлось продать квартиру в центре, чтобы оплатить защиту. Спасти маму удалось, но при продаже мы торопились и попали в руки мошенников, так называемых «чёрных» риелторов. И вот теперь уже как почти шесть лет выплачиваем долги, которые слабо так уменьшаются. Точнее, выплачиваю я, потому что мама не справилась. Она разочаровалась в жизни и стала медленно скатываться. Депрессия, отсутствие работы, потом алкоголь. Но она моя мама, и я не брошу её, тяну как могу, пытаюсь держать её, но получается, откровенно говоря, очень слабо.

Институт я, естественно, бросила. Позже, когда мама ещё пыталась работать уборщицей и мы жили в комнате на окраине, она заставила меня поступить в медучилище на сестринское дело, но закончить его мне тоже не удалось.

Коллекторы наседали, долги росли, мать не справлялась и уже начала пить. Поэтому я бросила учиться и пошла работать. Няней, санитаркой, сиделкой, кассиром в супермаркет. Мама опускалась всё ниже, а я всё чаще встречала у подъезда клоповника, где мы жили, непонятных людей. Однажды эти ребята очень сильно меня напугали. Затащили в подворотню, раздели почти догола, отрезали пучок волос. Сказали, что если не начну отдавать долги активнее, изувечат, изнасилуют, а мать я вообще не увижу.

С тех пор я в постоянном страхе. На переезд решилась в надежде, что мама немного на новом месте придёт в себя, но чуда не случилось. На то, что воротилы меня не найдут, я даже не надеялась.

И если я начну получать хотя бы семьдесят процентов из того, что назвала Арина, то смогу хоть как-то понемногу начать разбираться с этим долбаным долгом.

Когда захожу в зал клуба, поражаюсь тому, как тут круто. Основной дизайн выполнен облицовкой из красного кирпича, на стенах в нишах приглушённо светящиеся экраны, потолок над танцполом необычно переливается серебром, будто сделан из воды. Видно, что вокруг центра есть углубления, светящиеся разными цветами, так понимаю, небольшие залы, где можно отдохнуть за столиками, не будучи рядом с танцевальной зоной. Вдоль кирпичных стен стоят кожаные чёрные диваны, невысокие столики. Слева длинная барная стойка, возле которой я вижу машущую мне Аришку.

– Машуня, привет, – она широко улыбается и быстро чмокает меня в щёку. – Не передумала?

– Нет, конечно, – улыбаюсь в ответ.

– Тогда пошли, – тянет меня за руку к не приметной двери возле барной стойки. – Мне убежать надо через час уже, а тебе ещё ценные указания дать.

Чувствую мандраж, пальцы покалывает, сердце стучит быстрее. Тут классно, но придётся кружиться на одной ноге, чтобы выполнять обязанности как надо. Это не летнее кафе на десять столиков, где я работала.

Князева тащит меня за руку по ярко освещённому коридору, пока мы не выходим на кухню. А тут уж как кипит работа! Шум, вкусные запахи, снующие повара, официантки и другие работники. Но мы тоже торопимся мимо, пока не заходим в небольшую комнату с диванчиками и шкафчиками. Наверное, комната персонала. Тут чисто, уютно, тихо. Есть всё необходимое: гладильная доска, отпариватель, большое зеркало, кулер с водой, небольшой столик с микроволновкой и холодильник рядом.

Аришка подтверждает мои предположения. Она открывает шкафчик, стаскивает форменное платье и быстро переодевается в джинсы и футболку.

– Этот шкафчик будет твоим, – хлопает по соседней дверце. – Форму новую сейчас пойдём получим, и я объясню, где твоя зона обслуживания.

– Арин, слушай, как-то всё быстро. А разве мне не нужно документы оформить и всё такое?

– Оформишь, но некогда проволочками заниматься. Сегодня пятница, работы много. Шеф уже в курсе, дал добро, потому что я поручилась за тебя. Но сейчас быстренько к нему заскочим.

Пока Арина переобувается, я подхожу к зеркалу. Всё-таки откапываю в недрах сумочки свою расчёску, причёсываю волосы, приглаживаю платье. Блин, стоило надеть джинсы, а то вчера в ванной стукнулась коленом о бортик, и теперь синяк. Хотя джинсы чуть протёрлись на шве, ещё хуже.

– Пойдём!

Тороплюсь за Князевой на второй этаж по служебной лестнице. Музыку тут слышно приглушённо, а вот сердце моё стучит громко. А вдруг я не понравлюсь их управляющему? Плакали мои надежды на эту работу.

– Так, – Аришка тормозит перед белой металлической дверью. – Игорь Владимирович – классный, но иногда у него нет настроения, так что не принимай на свой счёт.

– Он управляющий?

– Да, и совладелец с большей частью собственности. У нас поговаривают, что скоро совсем себе клуб выкупит.

– Ладно. Давай уже.

Арина коротко стучит, и когда из-за двери получает отрывистое «войдите», нажимает на ручку. Мы входим внутрь просторного тёмного кабинета с большим столом и двумя кожаными диванами, столиком. По углам видны высокие напольные вазы, оплетённые пеньковой верёвкой. А потом я натываюсь взглядом на него.

Он сидит бедром на краешке стола и прижимает к уху телефон. В руках вертит карандаш, поглядывая на часы на широком кожаном браслете. Красивый, ослепительный. В модных джинсах и небрежно выправленной идеально выглаженной чёрной рубашке. Такая знакомая платина взъерошенных волос, едва заметный прищур глаз и улыбка уголками губ. И голос, что говорит собеседнику, что к нему пришли, и прощается. А потом поднимает на нас глаза и улыбка превращается в тонкую жёсткую линию.

Это мой Игорь. Мой Котовский. Бывший когда-то моим Котовский.

Глава 2

– Я не могу.

– Нет.

Мы произносим это одновременно, а Арина начинает непонимающе хлопать глазами, переводя взгляд с Котовского на меня и обратно.

– Она здесь работать не будет.

Сходу пощёчина, как определение его отношения ко мне.

– Игорь Владимирович, ну почему так сразу? – начинает лепетать Князева, а я застываю, во все глаза разглядывая когда-то столь близкого человека. – У Маши есть и опыт работы, и желание. Пожалуйста, мне очень-очень надо, и Маше нужна работа.

Она толкает меня незаметно локтем, а я даже пошевелиться не могу. Игорь скользит по мне взглядом. Не сказать, что сильно заинтересованно, но я вдруг остро ощущаю всю свою несостоятельность. И это дешёвое платье, и блёклые, стянутые в хвост волосы, двухсотрублёвую тушь, простые сетевые духи, которым я так радовалась, когда купила. И он – дизайнерская рубашка, дорогие часы, лёгкий запах элитного парфюма, что витает в кабинете. Разница между нами настолько бьёт по всем чувствам, что мне хочется уменьшиться, превратиться в точку, исчезнуть. Не такой он меня знал. Не такой полюбил когда-то. Не такая Маша наделала глупостей, отвернувшись от по уши влюблённого в неё парня.

Теперь мы оба другие. Он на верхушке, а я глубоко на дне. Он там, где яркие всполохи элитного клуба и заискивающие перед ним подчинённые, а я там, где нужно прятать от собственной матери бутылку дешёвого самогона и есть вермишель с курицей, купленной по акции, потому что завтра конец срока годности. И это в лучшем случае.

Пропать, что разверзлась давно, но глубину которой я ощутила, наверное, только сейчас.

– Игорь Владимирович... – снова начинает Арина, но у Котовского звонит телефон.

– Да? – он отворачивается, отвечая на звонок. – Хорошо, Лиля, приеду. Понял. Заеду и всё куплю, список сбрось в смс.

Меня будто заливает холодной водой. Его ждут, он к кому-то торопится. Семья, наверное, возможно, дети. Почему нет? Он успешен, ему уже, наверное, двадцать восемь или двадцать девять. Почему он должен быть один? Почему я так на это реагирую?

– Так, – он оборачивается и снова проходит по мне взглядом, вызывая этим жжение по всему телу. – Ладно. Пусть пока остаётся. Испытательный срок –

неделя. Получите форму и приведи её в порядок.

Он обращается к Арине, а меня топит в горечи. Его пренебрежение столь унижительное, что дышать становится трудно.

– Что значит привести меня в порядок? Разве что-то не так, Игорь Владимирович? – имя-отчество получается вытолкнуть через зубы, на что я получаю изумлённый взгляд Князевой.

– Вот как приведёте, тогда и сравнишь, Мария.

Мария.

Я всегда была для него Мари, Машунька, Манюня, моя Мэри, но не Мария. Аж холодно стало.

– Паспорт и другие документы принесёшь утром после смены. Трудовую через неделю, если останешься. Арина, – со мной он закончил и повернулся к Князевой. – Подробно введи её в курс дела. Во всё. Раз уж тебе так нужно, под твою ответственность, но я бы не рисковал. Все её косяки – пятьдесят процентов оплата на тебе. Пропуск тоже получит утром, пока печати на запястье будет достаточно, за ней подойдите к охране, я предупрежу. Всё.

Сказал, как гвозди вбил. Здравствуй, ушат ледяной воды на голову.

Аришка хватает меня за руку и вытаскивает за собой из кабинета Котовского, захлопывает дверь. А я моргнуть не могу.

Молча снова спускаемся в комнату персонала, и там она припирает меня к стене.

– Это что сейчас было, Машка?

– Что?

– Ты и Котовский. Вы знакомы?

Мягко сказано.

– Да.

– И не очень ладите?

– Не знаю. Наверное.

– Что значит, ты не знаешь? – она удивлённо поднимает скульптурные брови, а потом берёт меня за плечи и усаживает в кресло.

– Мы много лет не виделись. А до этого... мы были вместе. Встречались. А потом я его бросила.

– Котовского? Бросила? – глаза Князевой становятся такими круглыми, что мне даже хочется нервно хихикнуть. – Как его можно бросить? За что, Маня? Гулял?

Отрицательно машу головой, закрыв лицо ладонями.

– Любил. А я дура.

Настоящая. Ведь правда любил. Это видно было. А я? Тоже, кажется. Но для меня это была игра. Веселье. Ужасно льстило, что клавишник известной музыкальной группы боготворит меня. Он дарил мне сказку, а чем ответила я? Предательством. Другой жизни захотела попробовать, узнать, как оно. Как раз совпало, что Влад Миксаев, их фронтмен и лидер, распустил группу и укатил в дальние страны с моей подругой после всех передряг, через которые они прошли. Концерты, тусовки прекратились. Игорю хотелось проводить время вдвоём, а я хотела веселиться дальше. А потом случайно у матери на работе встретила Сергея. Он был старше на семнадцать лет, статуснее, занимался бизнесом, ездил на крутых тачках. Мне захотелось из принцессы для музыканта стать королевой для бизнесмена.

Игоря я не обманывала. Прежде чем согласиться пойти с Сергеем на свидание, я порвала с Котовским. Он принял это болезненно, но промолчал. Только пожелал «удачи с папиком».

С Сергеем у меня не сложилось. После первого же свидания он отвёз меня к себе и намекнул, что пора бы продолжить наше общение. Спать с ним так скоро я не хотела, но вдруг оказалось, что и выбора-то у меня нет. Сергей чётко дал понять, зачем привёз меня к себе и что просто так не выпустит. Я кое-как уговорила его не трогать меня. Сергей отвёз меня домой, я сказала, что больше видеться не хочу. Он и не настаивал.

Дома я всю ночь прорыдала в ванной, проклиная свою глупость и бесшабашность. Пыталась отмыться от воспоминаний о липких прикосновениях Сергея и бесконечно плакала. Кажется, только в тот момент ко мне пришло осознание, что я наделала. Именно тогда я оценила нежность и любовь Кота, его заботу обо мне и в общении, и в постели. Моё тело было настроено только на него, и другого восприняло с отвращением. До меня, наконец, дошло, что я его тоже полюбила. А потому ненависть к себе за содеянное жгла с невероятной силой.

Едваждавшись утра, я пришла к нему. Готова была в ногах валяться, на коленях прощения просить. Вымаливать хоть один шанс на прощение. Но было уже не у кого. Игорь уехал и никому не сказал куда. Просто сорвался, сменил номер, кинул меня в ЧС во всех соцсетях и испарился.

Что ж, и поделом мне. И тогда, и сейчас. И тем больнее видеть было сегодня его ледяной взгляд. Потому что все семь лет среди всей той грязи, что случилась в моей жизни, покотившейся по наклону с момента, как я сотворила самую большую глупость, я хранила воспоминания о наших отношениях как нечто самое светлое и прекрасное, что со мной случилось. У меня были несколько раз попытки завести отношения, со вполне неплохими парнями, но едва дело доходило до близости, я не могла. Вспоминала только его руки и губы, только его прикосновения, разбудившие во мне женщину. Всё это время я продолжала его любить. Не рыдала по ночам, нет. Жила дальше, почти забыла, сохранив воспоминания глубоко, в самом чистом и тихом уголке своего сердца.

А сегодня взорвало. Одним только взглядом он проморозил меня насквозь. Ни капли былой симпатии в глазах, но он помнит предательство. Это было видно отчётливо. Он меня презирает. Потому что есть за что.

Но теперь реалии таковы, что я больше не его Манюня, а он не мой Котик. Теперь он дал мне указание привести себя в порядок и приступать к работе. И выбора у меня нет.

Поэтому я собираю себя в кучу, встаю, умываюсь ледяной водой и позволяю Арине «привести меня в порядок», как сказал мой новый босс.

Глава 3

Сказать, что я устала к концу смены – ничего не сказать. Ноги гудят, руки отваливаются, хотя массажем я их достаточно натренировала. Глаза покраснели и, наверное, вылезли из орбит. На ступнях кровоточащие мозоли. Я устала просто до тошноты и головокружения.

Сначала Аринка мне всё показала. Она созвонилась со своим парнем, договорившись, что он заедет на полтора часа позже, сама снова переоделась в форму и принялась меня натаскивать. Я бегала хвостиком и с самых первых минут дико боялась момента, когда она уйдёт. Но так или иначе, этот момент наступил, и мне пришлось врываться в работу. Конечно, на эту смену девочки распределили между собой обязанности Князевой, Наташа – старшая по смене – меня направляла и помогала, но вливаться в работу пришлось очень быстро.

Клиенты в большинстве сегодня мне попадались адекватные. Пару сальных взглядов и три разбитые рюмки не в счёт. Одна девица пыталась самоутвердиться за мой счёт, ведя разборки со своим уже весьма нетрезвым парнем.

«Будешь выпендриваться, – заявила она ему, когда я как раз переставляла на столик коктейли и фруктовую нарезку, – будешь довольствоваться такими, как эта, понял?»

Сказать, что мадам была шикарной женщиной, – так нет. Но, видимо, её самомнение рядом со мной действительно не стояло. И некоторым вообще невдомёк, что унижать обслуживающий персонал – дурной тон. Но кого это заботит, когда в крови алкоголь, а душа требует самоутвердиться.

Пошла она. Губы ненатуральные, в сравнении с моими, волосы наращённые, а зубы отдают желтизной. Сравнивай сколько хочешь, тупая коза.

Но вслух я этого, конечно же, не сказала. Сделала учтиво-непроницаемое лицо, кивнула и гордой походкой, претерпевая боль в натёртой ступне, утопала на кухню за следующим заказом.

Смена заканчивается в шесть. Я переодеваюсь, распускаю волосы, наконец освободив их из тугой французской косы, которую мне заплела Аришка, сказав, что я так вообще выгляжу на восемнадцать, проверяю телефон. Вспоминаю, что Игорь сказал зайти с паспортом после смены. Наташа мне сообщила, что обычно, если он не работает ночью, то приезжает к семи, поэтому ждать остаётся уже недолго.

Во время смены я была так занята, что даже думать забыла о встрече с ним. Ну, не то чтобы забыла, но как бы отодвинула подальше, сконцентрировавшись на текущих задачах. А вот теперь меня накрывает. Страх и волнение накладываются на усталость, сердце начинает колотиться где-то в горле, а ладони потеют. Голова кружится, во рту сухо. Я умываюсь холодной водой из-под крана. Точнее, хотелось бы холодной, но летом в Сочи даже холодная вода не совсем холодная.

Причёсываюсь, подправляю макияж и, несколько раз глубоко вздохнув, поднимаюсь в кабинет Котовского. Из-за двери слышится его голос, значит, уже на работе. Набираюсь решительности и тихонько стучу. Получив «войдите», приоткрываю дверь. Игорь стреляет в меня взглядом, а потом отрывисто кивает на диван. Поняла, нужно подождать.

Кожаный диван мягкий и уютный. Едва моя попа касается его, усталость ощущается ещё сильнее. Но о том, чтобы расслабиться, речи не идёт в присутствии Котовского.

Я достаю из сумочки паспорт и жду, из-под ресниц рассматривая своего бывшего. Кот великолепен. Ещё семь лет назад, будучи молодым парнем, он был очень привлекателен. Даже не сколько внешностью, хотя она у него весьма недурна, сколько каким-то своим поистине кошачьим шармом. Каким-то мистическим обаянием, что притягивало магнитом, стоило ему слегка улыбнуться или чуть задержать на тебе взгляд. Я ведь отдалась ему в первый же вечер тогда, будучи девственницей. Да, ветрености и безбашенности мне хватало, но в эту сторону меня не несло. А с ним как в паутину залипла. И ни секунды потом не пожалела.

Сейчас же Игорь уже не парень, теперь он взрослый, раскрывшийся в своей мужественности мужчина. Плечи стали шире, мышцы налились, но не груды мускулов, нет. Тело крепкое и поджарое, идеальная осанка. И не скажешь, что он в своё время провёл, а может и продолжает проводить часы за клавишами. Игорь прекрасно играет. Насколько Миксаев виртуозно владеет своим голосом, настолько Кот на «ты» с клавишными. Он рассказывал, что Влад Миксаев нашёл его на школьном концерте, когда Игорь учился в одиннадцатом классе, и предложил вступить в тогда ещё никому не известную рок-группу «Wet rain». И через каких-то два года они стали мегапопулярны не только в нашем крае. Их неоднократно звали в Москву, но ребята предпочитали собирать клубы и стадионы у себя дома.

Сейчас я наблюдаю за Котовским, что-то быстро черкающим карандашом на стикере, за его привычным лёгким прищуром. Когда-то он очень стеснялся, что у него на левом глазе была небольшая врождённая раскосость, всячески скрывал это за небрежно упавшей на глаза чёлкой и едва заметным прищуром или небольшим наклоном головы. Вообще-то, это было совершенно незаметно посторонним, а этот лёгкий прищур как раз и играл на его шарм, но Кот мечтал в будущем избавиться от этого недостатка, сделать операцию. Судя по всему, он её сделал, но только вот привычка немного щуриться и слегка склонять набок голову, будто прислушивается к собеседнику, осталась.

– Подожди пять минут, – Котовский бросает это уже мне и, не прекращая телефонного разговора, выходит из кабинета.

Я осматриваюсь, скольжу взглядом по деталям интерьера. Взгляд почему-то цепляют эти огромные напольные вазы по углам. Они так интересно опутаны верёвками, связанными узлами в каком-то орнаменте. Вот вроде бы и не вписываются они в интерьер, но в то же время придают особенного уюта, что ли.

Опираюсь на спинку дивана и прикрываю уставшие глаза. Печёт. Сжимаю в балетках натёртые ступни. Хочется скорее прийти домой, лечь на диван и положить ноги на стену, чтобы отдохнули.

Мне кажется, я немного теряюсь во времени. Начинает казаться, что на меня смотрят. Я вздрагиваю и открываю глаза, натываясь на внимательный взгляд Котовского. Он сидит за своим столом, закинув ноги в модных кроссовках на край, крутит в длинных пальцах карандаш и смотрит прицельно, немного прищурившись.

Чёрт, я задремала прямо в его кабинете на диване. Вырубилась и не заметила.

Глава 4

Сажусь прямо, выровняв спину и чуть натянув платье на голые коленки.

– Извини, я сама не знаю, как отключилась, – голос немного хрипит и приходится откашляться.

Замечаю, что паспорта, который я держала в руках, когда села на диван, у меня нет. Вижу его раскрытым на столе у Игоря.

Он же на моё оправдание ничего не отвечает. Интересно, как давно он вернулся? А вдруг я храпела? Или слюну пустила? Блин. И платье так задралось. Не то чтобы Котовский чего-то не видел под ним, но ведь правила приличия никто не отменял, а уж тем более в нашей ситуации.

– Образование? – Игорь подвигает к себе какой-то бланк и меняет в руках карандаш на ручку.

– Среднее.

– И всё? – голос ровный, но приподнятая бровь режет презрением.

– Я не доучилась. Из законченного только курсы массажа.

– Полезная вещь, да.

Пошёл ты.

– Опыт работы официантом? Где и сколько?

– Летнее кафе, три месяца. Здесь, в Сочи.

– Не густо.

Ну уж извини, Котовский, что не соответствую. Так уж жизнь моя сложилась, можешь вволю позлорадствовать.

– Старшая по смене отчиталась, что ты справилась сносно. Пока остаёшься, если не передумала. Но штраф за четыре комплекта стекла твой, пополам с Князевой, как и было оговорено.

У меня остатки дрёмы как рукой сняло от такой несправедливости.

– Почему четыре комплекта? Три. Ирина попросила помочь с её столиком, я только убралась там, это даже не моя территория. И посетителей там уже не было. Они оплатили Ире счёт.

– Битую тару принимала ты? Ты. За заказ они Ирине платили. В следующий раз будешь умнее, прежде чем принимать единицы посуды с закрытого не тобой заказа. В моечную с двенадцатого стола посуду сдавала ты, Маша, расписывалась за неполный комплект тоже ты.

У меня аж в груди сдавило от такой несправедливости. Эта дура меня подставила, спихнула проблемный стол, прикрывшись просьбой помочь, и теперь мне придётся полностью оплатить комплект посуды, к которому я совсем не имею отношения, да ещё и Арина пострадает.

– Игорь, я могу хотя бы сама расплатиться? Чтобы это не коснулось Арины.

– Владимирович. Нет. Вам обеим было поставлено условие.

Пришлось сжать зубы от обиды. С Князевой я сама разберусь, отдам ей деньгами, а вот это «Владимирович» задело. Понятно, что рабочие отношения. Но мне очень трудно называть Владимировичем того, что измазывал мой нос в мороженом, а потом, смеясь, слизывал, кто кружил на руках и растирал уставшие после долгой пешей прогулки ступни.

Но Владимирович так Владимирович.

– Напишешь сейчас реквизиты карты, в течение часа получишь аванс, чтобы привести себя в божеский вид. У нас, Маша, не летнее кафе, тут нужно соответствовать. Сделай маникюр, приведи в порядок причёску, замажь синяки на коленях. Внешний вид с иголки, колготы обязательно в любую погоду, туфли только закрытые и без каблуков. Туалетной водой пользоваться перед и во время смены запрещено.

У меня появляется ощущение, что меня вот прямо сейчас смешивают с грязью. Методично топят, разворачивая на берегу транспарант с надписью: «Маша, ты полный отстой. Неухоженный, непривлекательный отстой».

Сглатываю ком через сухое горло и встаю. Выпрямляюсь так, что лопатки сводит. Чувствую, как обида бьётся внутри. Хочется нагрубить, уйти королевской походкой и хлопнуть дверью. Только туфли трут, колени дрожат, а финансовое положение безвыходное. А значит, Карташова, придётся всё это проглотить. И то, что Владимирович, и то, что шикарный Котовский указывает тебе на отсутствие маникюра и унылую причёску.

– Вот мой рабочий телефон, – он придвигает к краю стола визитку. – Пришлешь номер счёта. График работы вывешен внизу. Если твоя фамилия в какую-то дату помечена звёздочкой, значит, в этот день ты дежуришь, то есть ещё занимаешься уборкой доппомещений. Это гримёрные танцовщиц, комната отдыха охраны и мой кабинет. Время уборки указано ниже в расписании. Если есть вопросы – я слушаю.

– Нет, Игорь Владимирович, вопросов нет.

Я протягиваю руку за паспортом и визиткой, как чувствую, как что-то горячее капает на предплечье. Снова кровь. Как же не вовремя.

– Извини, – зажимаю нос и отворачиваюсь.

Скорее бы перестало. Но, как назло, кровь буквально хлещет, идёт носоглоткой, вызывая кашель, когда запрокидываю немного голову.

– Держи, – Игорь уже рядом и протягивает мне несколько смятых салфеток. – Не зажимай, дай стечь.

– Знаю, – бормочу как получается с зажатым носом и горечью в горле. – Но так я запачкаю тут всё.

– Здесь есть ванная, – он распахивает неприметную дверь сбоку от стола. – Иди туда.

Придерживая нос кучей салфеток, я добираюсь до небольшой ванной комнаты с душевой кабиной и маленькой треугольной раковиной в углу. Склоняюсь над ней и убираю салфетки. Наблюдаю, как крупные частые капли кляксами плюхают на белоснежный фаянс.

Спустя минуту всё прекращается. Я умываюсь, тщательно вытираюсь и выбрасываю испачканные салфетки в мусорное ведро. Когда выхожу обратно в кабинет, Игорь стоит у стола, опёршись бёдрами и сложив руки на груди.

– Тебе точно не нужна срочная медицинская помощь?

– Нет, всё нормально.

– Маша, ты здорова?

Хотела бы я, чтобы в этом вопросе сквозила забота. Но нет, это логичный вопрос работодателя.

– Да, абсолютно. Просто устала.

Пару секунд Котовский пристально смотрит, а потом отрывается от стола и возвращается в кресло.

– Хорошо. Отоспись и сделай, что я просил. В смену выйдешь завтра. Не опаздывай.

Я киваю, забираю паспорт и выхожу вон, аккуратно прикрыв за собой дверь. Всё, чего мне сейчас хочется, это хлебнуть припрятанного от матери самогона, хотя я его никогда даже не пробовала, прорыдаться в подушку и уснуть часов на пятнадцать минимум. Но сначала надо ещё добраться до того клоповника, в котором мы живём.

Глава 5

– Машенька, ты уже дома? – мама выходит в коридор нашей микроскопической съёмной квартиры и улыбается. – Я вот завтрак приготовила.

Иногда она пытается прийти в себя, пытается жить. Но хватает её совсем ненадолго. Неделя-полторы, а потом снова запой. А сколько ей надо? стакан – и уже, считай, мертвецки пьяна. Я сбрасываю, наконец, эти чёртовы балетки, рассматриваю свои растёртые в кровь ноги без педикюра. Вздыхаю и крепко обнимаю маму за худые плечи. Она улыбается и прижимает мою голову к себе, как когда-то, когда я могла спрятаться от всего мира в её сильных руках. А сейчас должна так же спрятать её. Иссохшую, потерянную, со стянутыми в небрежный пучок поседевшими волосами. А ведь мама ещё совсем не старая. Ей же всего сорок пять, в этом возрасте женщины ещё цветут, снова выходят замуж. Но мама выглядит лет на пятнадцать старше.

Отца я совсем почти не помню. Так, вспышками далёкими. Мне было три, когда он нас бросил. Ему хотелось, чтобы жена вила гнездо и варила борщи, а мама тогда заканчивала мед. Чертовски уставала с маленьким ребёнком на руках. Отец же, работая дома, отказывался даже присмотреть за мной час-полтора, пока мама пыталась что-то успеть по дому. Я проводила много времени с бабушкой, но та рано умерла.

Мне всегда хотелось, чтобы в моей жизни появился папа. Пусть другой, но чтобы был. Катал на плечах, покупал больших розовых пони, называл своей маленькой куклой. Чтобы, когда мне было двенадцать и Пашка с третьей парты дёргал за косу или прятал пенал, пришёл папа и, грозно сдвинув брови, предупреждающе посмотрел на обидчика, а я выглянула из-за его спины и показала Пашке язык. Чтобы в шестнадцать пристально и внимательно разглядывал, кто же там провожает меня до подъезда, а потом в тридцать, пригладив седые виски, взял на руки моего сына и разрешил подёргать за усы и тоже покатал на шее. Вот чего мне не хватало и не хватает по сей день. Мужчины в жизни, крепкого плеча, отца. Мама пыталась дать мне всё, но она сломалась, и теперь я в семье главная. А я не хочу. Не умею. Я не создана быть главной.

– Пойдём есть, дочь, – мама приглаживает за уши мне волосы, как часто делала раньше. – Иди сначала руки вымой.

Я захожу в небольшую ванную, облицованную ещё старым рифлёным советским кафелем, и смотрю в зеркало. Игорь прав – я не соответствую. Облезлая кошка, не иначе. Но дело даже не в не смоделированных бровях, не в ламинированных волосах, не в маникюре и не в отсутствии качественного мейка. Дело в глазах. Во взгляде. Разве у двадцатипятилетней девушки он должен быть таким потухшим, таким безжизненным? Разве эту пустоту когда-то полюбил Игорь?

Тяжело вздохнув, собираю волосы в пучок, смываю макияж и иду на кухню. Мы сняли с мамой небольшую квартирку в доме старой постройки. Сначала удивились, что так недорого, хотя не на самой окраине. Понятно стало, когда въехали. Кроме того что мизерная площадь, хоть и разделена на две комнатки, коридорчик, маленькую кухоньку и ванную, тут ещё и куча всякой живности. И если мышей вывести удалось довольно быстро, то борьба с тараканами и ещё какими-то длинными серыми букашками, обитающими в основном под ванной, сильно затянулась. Мы пробовали всё: от яичных желтков с борной кислотой до современных инсектицидов, однако едва только вроде бы этих тварей становилось меньше, через пару недель вентиляция снова начинала ими кишеть.

Благо лето, и можно недорого купить овощи и фрукты. Мама приготовила пюре из картофеля, салат и тефтели. Понятно, что в них больше риса, чем мяса, но и на том хорошо. И можно было бы порадоваться: я нашла более-менее хорошо оплачиваемую работу и очень сильно постараюсь на ней задержаться, мама сегодня улыбается, приготовила вкусный завтрак. Вот только стакан за серым застиранным тюлем на подоконнике всё портит. Значит, вчера снова пила.

И без того паршивое настроение падает ещё ниже. Я даже доедать не хочу. Накрываю сверху остатки тарелкой и убираю в холодильник. Сейчас хочется упасть вот так как есть, даже не раздеваясь, и уснуть.

Молча ухожу в свою комнату под виноватым взглядом матери. Она поняла, что я заметила стакан. Стаскиваю дурацкое платье, обрабатываю мазью стёртую кожу на ступнях, расчёсываю волосы и уваливаюсь на постель. Знобит. И душно. Разве может одновременно и знобить, и быть душно?

Казалось, усну, едва коснусь головой подушки, но не выходит. Перед глазами этот равнодушный холодный взгляд, полный презрения, некогда любящего меня мужчины. Подумать только, сейчас я могла быть рядом с ним. Плечом к плечу. За ним. Не какая-то там Лиля говорила бы ему, что купить из продуктов в супермаркете по пути домой, а я. Я бы ждала его на классной дизайнерской кухне, запекала бы к его приходу курицу с овощами и пела колыбельную его детям. Меня бы он любил, прижимал к себе по ночам, обнимал, ласкал и раз за разом подтверждал, что я его. Принадлежу целиком и полностью. Никакие бы коллекторы и близко ко мне бы не подошли, никто бы не угрожал меня изнасиловать и обезобразить, мы бы смогли поддержать маму и отстоять её перед другими. Она бы пережила, переждала пять лет лишения практики и снова вернулась бы к работе, а не сидела пьяная под телевизором и спорила с экранными врачами о целесообразности и правильности проводимых реанимационных мероприятий. Вот я тогда своей глупостью перечеркнула всё. Мне так повезло встретить его – надёжного, полюбившего, перспективного. Да просто классного. А я дура. Зачем я поступила так? Почему именно тогда до меня дошло, как дорог мне Котовский? И сейчас судьба снова свела нас в таких разных ролях, чтобы ещё раз хлестнуть по глазам.

Я же до сих пор к нему испытываю чувства. Спрятала их, похоронила, но вчера вечером они вдруг выцарапались из глубины. Но слишком поздно. Для него я неудачница, не сумевшая получить образование, ненадёжная ветреная бывшая, когда-то разбившая ему сердце. А ещё есть какая-то Лиля, которая ждёт дома и просит заскочить по пути за продуктами.

Так что всё, Карташова, твой поезд ушёл ещё семь лет назад, когда ты решила, что мужик, старше тебя на семнадцать лет, намного перспективнее и интереснее молодого музыканта.

Глава 6

Проспала я до самого вечера, но всё равно встала с ощущением, будто меня трактором переехало. Аванс от Игоря пришёл приличный, даже не ожидала столько. Но, конечно же, столько тратить на себя я не собираюсь, да и чеки он вряд ли потребует. Звоню знакомой клиентке, маленькой дочке которой недавно делала курс массажа, и записываюсь на дом на маникюр. Вообще, у неё всё

расписано, но говорит, что если приеду прямо сейчас, то сделает. Времени уже почти девять вечера, но я собираюсь и бегу к ней. Тут не очень далеко, поэтому на такси тратиться не буду.

Ухожу уже ближе к двенадцати ночи. Мои пальчики с короткими нейтрального кремового цвета ноготками мне очень нравятся. Татьяна помогает мне и с бровями. Чуть моделирует форму, подкрашивает в светло-коричневый. Тёмные мне не пойдут под цвет кожи и волос. А ещё Таня даёт мне номер своей приятельницы, которая работает в салоне парикмахером, но и на дом тоже берёт клиентов, что значительно дешевле. Мне несказанно везёт, потому что эта парикмахер в салоне завтра работает с часу, а меня дома будет ждать в десять.

Утром просыпаюсь ближе к восьми. Свежий маникюр сразу поднимает настроение. А когда я выхожу от парикмахера в двенадцать, то улыбаюсь на все тридцать два. Мы немного подстригли мне кончики, оставив волосы чуть ниже лопаток, а потом мастер колдовала с какими-то масками-бальзамами, поработала особым составом с кончиками, вбив его инфракрасной плойкой. И теперь у меня мягкие, гладкие, блестящие шикарные волосы. Свой светло-русый цвет заиграл новыми оттенками, а касаться прядей так приятно.

Забегаю в сетевой магазин косметики, покупаю тонкие капроновые колготки, тон для лица, лёгкие румяна, тени, качественную тушь и две помады – одну ярко-красную и одну пастельного тона. Сумма уходит немалая, но я ощущаю такой прилив чисто женского удовольствия. Мне хочется выглядеть лучше не только чтобы соответствовать новой работе, мне хочется стать лучше для Котовского. Да, мне не на что надеяться, но всё же падать ещё ниже в его глазах не хочется.

Смена начинается в семь. В половину я уже в клубе, переодеваюсь вместе со всеми девочками в комнате персонала. Девчонки лепечут, переговариваются, меня в разговор тоже втягивают. Ася, невысокая темноволосая официантка, сегодня старшая по смене. Она напоминает, кто дежурит, ориентирует, кто на охране, кто из диджеев в рубке.

– Маша, третий сектор, за который ты отвечаешь вместо Князевой, сегодня встречает VIP-гостей. Приезжает из Москвы партнёр Игоря Владимировича. Тип, мягко говоря, с запросами, так что постарайся. Если хочешь, можешь поменяться с кем-то из более опытных.

– Нет-нет, я справлюсь. Всё нормально.

Должна справиться. Мне нужно показать Игорю, что я умею работать и готова стараться, чтобы остаться здесь.

Мы вместе пересчитываем посуду, ещё раз проверяем каждая свои рабочие зоны, протираем столы, проверяем, чтобы на них стояли салфетницы и карусельки с баночками со специями и солью.

В 20.00 клуб открывает свои двери для посетителей, которых в летнем курортном городе в воскресенье вечером быстро становится довольно много. В основном это молодёжь, но есть и тридцать пять плюс.

Игоря я сегодня не видела, но стоит отметить, что работа в клубе здорово организована им, если даже в его отсутствие всё работает как часы. Улыбающиеся посетителям бармены, милые официантки, искусные повара, незаметный и тактичный техперсонал. Единый дружный организм под руководством талантливого человека. И мне так хочется стать частью этого слаженного коллектива.

– Маш, там Игорь Владимирович с партнёром уже на месте, не зевай.

О Господи! Успевать всё сложно, но необходимо. Быстро передаю на кухню заказ, приглаживаю платье и спешу в VIP-нишу. Надеюсь, моим внешним видом Игорь останется доволен.

В одном из дальних овальных залов расположена VIP-зона, оформленная в тёмно-фиолетовых тонах и таким же подсвечена. Посетители скрыты от любопытных взглядов с основной танцевальной зоны, да и от тех, кто находится в других нишах. Зонирована ниша всего на два столика, разделённых стеклянной стеной с непрозрачной фиолетовой подсветкой. Вот по одну сторону на кожаных диванах и расположились хозяева клуба.

Когда я появляюсь с блокнотом и сдержанной милой улыбкой, на меня вскользь обращают внимание пятеро мужчин и три женщины. Некоторые сразу теряют интерес и продолжают свою беседу. Взгляд задерживает на несколько секунд Котовский и ещё один мужчина, высокий брюнет с неприятным, каким-то безгловым выражением лица. Его взгляд прокатывается отвратительной

липкой волной по мне от головы до ног.

Но замереть на месте заставляет иное. Игорь не один. Рядом с ним сидит шикарная блондинка. Не какая-нибудь слегка потасканная однодневка, а именно шикарная, знающая себе цену женщина. Рядом с шикарным мужчиной.

Она тоже дежурно скользит по мне взглядом и, не найдя ничего интересного, снова поворачивается к Игорю, кладёт ему ладонь на запястье и что-то негромко говорит на ухо, он же наклоняется к ней и приобнимает за талию.

Толчок в мою грудь изнутри такой болезненный, что я судорожно выдыхаю. Хорошо, что громко играет музыка, и никто этого не замечает.

– Подойди, девочка, – распоряжается тот неприятный тип, а потом обращается к Котовскому. – Новенькая? Не видел её в прошлый раз.

Чувствую себя кобылой на выставке, когда Игорь ему в ответ кивает, этот отвешивает что-то типа «ничего так, ноги длинные, мордашка смазливая». Где-то очень глубоко в душе я надеюсь, что Игорь его за такое осадит, но Кот лишь нейтрально ведёт плечом, даже не глядя на меня.

Сквозь шум в ушах выслушиваю заказ, стараясь ничего не упустить. Не могу на Котовского даже глаза поднять. Только подмечаю, что к девушке он обращается по имени Нелли. Изменяет жене? Да мне вообще какая разница, это не моё дело. Уже семь лет как не моё.

Глава 7

Жизнь Игоря Котовского нельзя назвать лёгкой. Отнюдь. С самого детства ему приходилось выплывать. Отец, запойный алкоголик, однажды в пьяной горячке вывалился из окна с восьмого этажа. Тогда Игорю было шестнадцать. Мать, не сумев пережить потерю горячо любимого мужа, хоть и не принёсшего ей счастья и нормальной жизни, повесилась через полтора года на люстре в собственной кухне. Тогда Котовскому было без месяца восемнадцать. В детский дом его забирать смысла не было, и до совершеннолетия органы опеки позволили

остаться со старшей сестрой. А старше она была на два года.

Игорь доучивался в училище на сварщика и уже работал на заводе, потому что зарплаты сестры, работающей няней в детском саду, естественно, не хватало. Да и не мог он позволить ей тащить их обоих.

Однажды на молодёжной тусовке у кого-то дома Котовский сыграл на пианино. Когда-то, когда отец ещё не пил так открыто и много, он закончил музыкальную школу по классу фортепиано. И вот пьяной молодёжи неожиданно понравилось, да так, что один из ребят постарше, подрабатывающий на свадьбах и корпоративах, предложил Игорю сотрудничество.

И вот на каком-то торжестве в честь юбилея одного из шишек города к Котовскому подошёл Влад Миксаев. Он был на пару лет старше, но в нём было столько силы и уверенности, что когда тот предложил Игорю вступить в их начинающую рок-группу клавишником, Котовский ни минуты не колебался.

«Wet rain» быстро сыгрались и очень быстро приобрели популярность. Уже через полгода Котовский оставил работу на заводе и на торжествах. Денег стало хватать не только на достойную жизнь им с сестрой, но и чтобы заочно закончить музыкальный колледж.

Группа просуществовала почти четыре года. Четыре прекрасных года, позволивших Игорю приобрести настоящих друзей, попробовать совершенно иную жизнь, чем была известна ему. Он писал музыку для группы, играл на клавишных, пел за Миксаевым вторым голосом. А это, надо сказать, уровень, потому что вокальная одарённость Влада – редчайший случай.

Влад был отличным другом. Очень сложным как человек, с изувеченным детством, безбашенной юностью. Он имел очень нехорошую, по мнению Игоря, забаву, называемую охотой. Играл с девушками, доводя их до иступления, а потом резко переключался. Но в последнюю охоту что-то пошло не так. Владу снесло крышу, и только Игорю и ещё одному их другу удалось удержать Микса от беды, которая бы сломала не только невинную жизнь, но и его собственную. Влад сначала психанул, но потом сказал, что всю жизнь будет благодарен. Он влюбился. И пройдя через преграды, он и его любимая укатили жить в джунгли. «Wet rain» Миксаев распустил, но каждого из участников обеспечил приличным финансовым стартом.

Однако вместе с роспуском любимой группы Котовский лишился ещё кое-чего не менее важного – целостности своего сердца. Потому что он тоже влюбился, в подругу девушки Влада – смешную и болтливую Машку. Милая, весёлая, говорливая, она как-то вдруг зацепилась ноготками за сердце парня, а потом выдрала его с корнями своим «Котик, нам надо расстаться. Ты замечательный, но я хочу идти дальше. Мне нравится другой мужчина». Просто как гром среди ясного неба. Без предпосылок и каких-то неочевидных или очевидных намёков.

Это было больно. Настолько, что Игорь едва не задохнулся, когда пришёл домой. Боль рвала внутренности, дыра в груди жгла, сбитые о стены кулаки саднили, но это никак не облегчало. К тому, что уйдёт отец, он внутренне был готов, даже к тому, что затухнет после его смерти мать, но вот удар от Машки был настолько неожиданный и вдруг такой удивительно болезненный, что Игорь не понимал, как справиться. Он пошёл к сестре и просто расплакался. Как маленький мальчик. Стыдно было, но Лиля не осудила, она обняла его и сказала, что эта девушка его просто недостойна.

Котовский отдышался, собрал свои вещи и вещи сестры и в шесть утра сел в такси и отправился на поезд. Ему даже сначала показалось, что на лавочке у подъезда в предрассветных сумерках сидит сжавшаяся такая знакомая фигурка. Но ему, наверное, показалось. Это не могла быть она. Его Машка ушла. Влад уехал, «Wet rain» больше не существовало, и в этом городе Игоря больше ничего не держало.

Сочи встретил Котовского приветливыми улыбчивыми людьми, перекрикивающими друг друга музыкой кафешками на набережной и морем. Бескрайним, солёным, шумным, обещающим новую жизнь морем. Заселившись в гостиницу, Игорь первым делом спустился на пляж. Стоял апрель, но ему было плевать. Он снял кроссовки, стянул носки и зарылся ступнями в прохладный после ночи песок. И твёрдо решил, что этот город его излечит. Даст ему надежду, откроет возможности. Игорь обязательно снова отрастит вырванные с мясом крылья.

Котовский нашёл для них с Лилей квартиру, устроился на работу. С его послужным списком в «Wet rain» это было не сложно. Его взяли ведущим диджеем в лучший клуб в центре набережной. А потом вдруг пошло-поехало, стартовый капитал, выплаченный Миксаевым после распада группы, увеличился. Игорь хорошо разбирался в той сфере, в которой работал, умел наблюдать, многое подмечать, делать выводы. Когда Влад вышел на связь, помог

просчитать риски, потому что этот товарищ гений не только в музыке, но и в математике. И тогда Котовский рискнул. Сильно. Но кто не рискует, тот не пьёт шампанское, а своё Котовский не пропустил. Хваткий молодой парень заметил, что у одного из клубов дела пошли как-то не очень, и тогда он предложил владельцу войти в долю и вложиться.

Игорь снова просчитывал и снова рисковал. И снова у него всё получалось. Семьдесят процентов активов клуба были у Игоря в руках, и он планировал выдернуть из рук не совсем надёжного партнёра и остальные. Но этот осёл, увидев, как дела пошли в гору в последние два года, стал артачиться и набивать цену. Однако Игорь умеет ждать. А ещё наблюдать, подмечать, что волнует других и давить на точки, на которые ему давить нужно.

У Котовского были далеко идущие планы, тем более что он был не один, а с семьёй. Пять лет назад Лиля встретила одного мудака, который оставил её, как только узнал, что сестра беременна. Свалил в закат, ещё и обругал. Точнее, обругал, выхватил от Котовского, а только потом свалил. Теперь за крепкой спиной Игоря были Лиля и малыш Милана, в которой дядя души не чаял.

Это были единственные женщины в его жизни, которых он любил и подпускал близко к сердцу. Оно кое-как склеилось, срослось, понемногу забилося в нужном ритме, но так больше ни разу и не запнулось рядом ни с одной женщиной. Билось ровно и прямолинейно ровно до того момента, как следом за Князевой в его кабинет ввалилась Карташова.

В первое мгновение Игорь её даже не узнал. И дело не в отощавшей фигуре – Маша и раньше была худенькой, и даже не в непритязательном наряде. Это словно бледная тень девушки, которую он когда-то знал. Будто выцвела, выгорела на солнце. Покатилась, пошла по наклонной? Через скольких прошла? И какого чёрта, спрашивал себя Котовский, его это вообще волнует?

Нет, ему показалось. Сердце, конечно, не железное. Ёкнуло. Но тут же ровно забилося дальше.

Она ведь просто девочка из прошлого.

Тогда почему ему так жжёт в груди от злости, когда Егоров за столом окатывает Машу своим кобелиным взглядом? Почему Игорю хочется сломать ему нос за

замечание о её ногах? И почему он так явно ощущает её взгляд, когда поднимается с Нелли по винтовой лестнице на второй этаж, чтобы уединиться в своём кабинете?

И злость нарастает.

Нелли – прекрасная женщина. Умная, красивая, знающая себе цену. Наверное, она даже влюблена в Котовского. Такую, как Нелли, тоже хочется любить, но только у Игоря не получается. Да он сильно и не стремится.

И сейчас он злится, потому что её поцелуи его совсем не возбуждают. Не обычно, а именно сегодня. И когда тонкая ладонь накрывает его ширинку, Игорь сжимает женское запястье и убирает в сторону.

– Игорь? – Нелли отстраняется и обеспокоенно смотрит ему в глаза. – Что случилось? Ты из-за Егорова?

– Неважно. Просто нет настроения.

Потому что перед глазами вдруг встаёт хрупкая фигурка, которой в его жизни давно не место. Потому что потухший взгляд и капли крови на руках почему-то не дают ему покоя. А ведь так быть не должно. Он давно переболел и выздоровел. Тогда в чём причина?

Глава 8

На следующий вечер в клубе среди персонала царит какое-то возбуждение. Я прибегаю едва ли не с опозданием – пришлось задержаться у последнего клиента. Виталий Арсеньевич, одинокий пенсионер, перенёсший инсульт, после массажа стал жаловаться на головокружение. Скорее всего ему скучно и просто не хватает внимания, вот он таким образом и пытался меня задержать, но всё же оставить его не могла, пока не убедилась, что давление у него в норме. А сама едва не опоздала, прибежав за десять минут до начала рабочего времени.

Девочки уже все переоделись и собрались на кухне для дополнительных указаний.

– Маша, ты сегодня дежурная, не забывай. Время уборки доппомещений указано в графике, твои столики в это время подхватывает Аня, но старайся побыстрее.

– Хорошо.

Я кладу в карман фартука блокнот с фирменным логотипом и ручку, поправляю волосы и спешу навстречу первым посетителям в моей зоне. Время летит сегодня быстро, народу, несмотря на будний день, много. Оно и неудивительно, ведь лето, разгар сезона, набережная в пятистах метрах.

– Сегодня будет весело! – Лена, крутнувшись на месте и танцевально поведя плечами, подхватывает поднос.

– Почему? – я сканирую заказ на кухне и ставлю на поднос салфетницу для третьего стола, на котором предыдущая куда-то исчезла. – Ждём каких-то выступающих?

– Не-е-ет, – Лена удивлённо смотрит на меня, что у меня возникает ощущение, что я не в теме. Хотя я и так же не в теме пока всего, что тут происходит. – Сегодня шеф за штурвалом.

– В смысле?

– Котовский в диджейской рубке. Думаешь, он в кабинете сидит всё время? Он тебе не «пиджак», Машка, наш босс крут со всех сторон. Талантище!

В её голосе сквозит такое восхищение, что мне хочется её стукнуть. Ревниво так. Но я напоминаю себе, что могла бы себе позволить такое семь лет назад, а сейчас могу только улыбнуться и побыстрее уйти, чтобы Лена не заметила моих эмоций.

И когда я принимаю готовый заказ и выхожу в зал к дорожке, по которой в основном двигаются официанты, чтобы лишний раз не маячить перед гостями, то замираю прямо посередине.

Диджейская рубка находится на высоком помосте, откуда видно весь танцзал. Кот стоит внутри над пультом. Платиновые волосы всколочены, бликуют в ультрафиолете, на ушах яркие синие наушники, белая футболка с синими кляксами светится фиолетовым. Взгляд сосредоточен на микшере.

Бьют клавишные вступительные ноты, а потом в секунды весь клуб взрывается чем-то невероятным. Народ пищит и начинает активно стекаться от столиков, кабинок и ниш в центр танцевальной зоны, быстро её заполняя. Игорь плавно опускает бас до ощущения биения в груди и параллельно выводит высокие ноты. Меняется освещение, начинает работать стробоскоп, превращая всё действие вокруг в какую-то космическую феерию. Я застываю на месте, словно пригвождённая, смотрю на него не отрываясь. Поражаюсь. Я и раньше видела его талант, но это всё будто мимо проходило. До того момента, как я проревела ночь в ванной, осознавая, какую чудовищную ошибку совершила. Он ведь был таким всегда: харизматичный, свободный, талантливый, потрясающий. Таким и остался. Пошёл вперёд и вверх, но не превратился в педанта и «пиджака», как сказала Лена, занялся бизнесом, оставшись верен себе. Такой же творческий, с бешеной энергетикой, яркий, притягательный.

И чужой.

Я вдруг понимаю, что он на меня смотрит. Неоновая подсветка делает его прямой пристальный взгляд каким-то мистическим. Это длится всего несколько секунд, но у меня по позвоночнику проходит разряд, заставляющий вздрогнуть всем телом так, что рюмки на подносе отдают звоном. Это отрезвляет меня. Вдруг он подумает, что я неспособна нормально работать?

Смаргиваю, разворачиваюсь и на дрожащих ногах ухожу к заждавшимся заказ клиентам.

Игорь действительно профи. Он играет настроением толпы почти без слов. Только пару раз слышала короткие подбадривающие фразы. А так только музыка-музыка-музыка. Сумасшедший бит, спаянный с тонкими мелодичными нотами, игра созвучиями и акцентами. Тот самый драйв, когда посетители, присев на минуту, тут же возвращаются на площадку, не усидев на месте от будоражающих ритмов.

Ближе к часу ночи начинает играть более спокойная, размеренная музыка. Народу нужно отдохнуть, заказать ещё алкоголя, расслабиться. Замечаю, что в рубке Алекс – штатный диджей.

– Карташова, ты опять щёлкаешь, когда ВИПы ждут. Егоров всё ещё не укатил в свою Москву, и Игорь Владимирович уже снова с ним в нише, а ты топчешься.

Ирина, самая недружелюбная из официанток, окидывает меня неприятным взглядом. И чем я ей так не понравилась? Хотя ей, как мне кажется, никто не нравится, как, собственно, и она остальным.

Поправляю немного волосы и подкрашиваю губы, одёргиваю форменное платье, припомнив вчерашнее неприятное замечание совладельца клуба. Но самое всё же ужасное – это снова увидеть Игоря с другой. И как он уходит с ней, чтобы уединиться. Не знаю, откуда вчера у меня взялись силы, чтобы доработать смену. Я всё понимаю, у него своя жизнь, но мне так отчаянно хотелось забиться вчера где-нибудь в коморке и разрыдаться.

Натягиваю улыбку и подхожу к столику. Сегодня их меньше: Игорь, тот неприятный тип, ещё один мужчина и девушка, которая с этим третьим. Котовский один. И этот факт мне поднимает настроение. Знаю, что не имею права даже мечтать о нём, но ведь мыслям в голове крутиться не запретишь.

– А вот и эта сладенькая девочка, – партнёр Игоря расплывается в хищной улыбке. Он уже явно пьян. – Малышка, присядешь с нами?

– Нет, но спасибо за предложение, – учтивая улыбка судорогой сводит щёки. – Чего желаете?

– Тебя.

Застываю изваянием. Нашутятся и отвалит. Случайно цепляю взглядом Игоря. Он абсолютно спокоен, расслаблен и, кажется, тоже уже выпил.

– Ну так что, киса? Расслабишься в компании тех, кто платит тебе деньги?

Становится противно до такой степени, что я не могу сказать с уверенностью, что меня сейчас не вывернет на его модный джемпер. А потом этот урод хватается меня за локоть и тянет к ним на диванчик.

Я ойкаю, путаюсь в ногах и едва не заваливаюсь сверху на него. Удерживает меня знакомая сильная рука. Сейчас не момент, но это прикосновение вспарывает память и ощущения. Игорь чуть отталкивает меня назад.

– Она на работе, – говорит таким ледяным тоном, что мороз по коже.

– И работает она на меня! – развязно ухмыляется мужчина.

– Нет. Штат – не твоя забота, Макар, – Котовский едва заметно кивает мне, чтобы уносила ноги, и я не задерживаюсь ни секунды.

Приходится отдышаться минут пять в туалете. Как же неприятно. Игорь вступился, но он бы так поступил для любого сотрудника. Подчинённые уважают его не просто так. Он обеспечивает всем не только достойную оплату, но и безопасность. Неважно, сколь крут клиент, охрана быстро спровадит его, стоит лишь появиться намёку на угрозу кому-то из работников.

Когда возвращаюсь на кухню, старшая по смене сообщает, что обслуживать сегодня ВИП-нишу будет Антон, а мне следует взять один из его столов. Так распорядился Игорь Владимирович.

Я немного выдыхаю, успокаиваюсь и продолжаю работать. Едва ли не пропускаю дежурную уборку в 2.45. Танцовщицы уже закончили, с их гримёрной и начинаю, охранники на постах, убираюсь быстро и в их комнате отдыха. Потом беру у администратора ключ от кабинета Котовского и спешу туда. Хорошо, что он занят с партнёром, я быстро всё сделаю и выдохну.

Почему-то входить в его кабинет одной мне как-то не по себе. Странно. Я вроде бы действую по инструкции, а чувствую себя какой-то воровкой. Потому что собираюсь воровать. Его запах, ощущение того, что он там был, хочу прикоснуться к вещам, к которым он прикасался.

Открываю дверь и вхожу внутрь. Возле стола горит высокий торшер, свет приглушённый, но чтобы убраться в и так идеально чистом кабинете, достаточно. Я почему-то просто не решаюсь зажечь яркий свет.

Ставлю коробку с инвентарём на пол, достаю мягкую тряпку. Протираю сначала стеллаж с широкими папками с документами, стеклянную полку, рабочий стол, на котором почти ничего нет.

Когда заканчиваю с конференц-столом, вдруг слышу за спиной тяжёлый вздох. Застываю, не решаясь обернуться. Это он, сомнений нет. Только как я не заметила его, когда вошла?

– Сколько их было? – я понимаю по голосу, что Игорь абсолютно пьян.

– Кого? – выдыхаю едва слышно, но так и не решаюсь обернуться, только слегка поворачиваю из-за плеча голову, замечая, что Кот лежит на диване и держит в руке стакан.

– Тех, кто побывал в тебе после меня.

Глава 9

Я так ошарашена его вопросом, что даже не могу обернуться и посмотреть. Сжимаю в руке тряпку и медленно выдыхаю. Что он хочет услышать? Скажи я правду – ни за что не поверит. Да и почему я должна отчитываться перед ним? Семь лет прошло, ему ни под каким соусом не было интересно, как и чем живёт девочка Маша.

Поджимаю губы и продолжаю убирать. Быстро закончу и уйду отсюда. И вдруг застываю, словно парализована, когда слышу, как Игорь ставит с тихим стуком стакан на столик у дивана, слышу сзади его тихие шаги.

Он останавливается слишком близко. Обеими руками сжимаю тряпку и зажмуриваюсь. Отойди, прошу, отойди от меня, не рви душу, Котовский.

– Ты не ответила, – тихий шёпот почти у самого уха.

Спиной я ощущаю его близость, чувствую позвоночником тепло и покалывание, похожее на ток. Ни в одну из тех жалких попыток завести отношения не было даже ничего подобного. А он всего лишь рядом стал, и на моей коже все волоски поднялись.

– Какая разница, Игорь? – голос сел, и получается только тихий шёпот, как и у него.

На шею мне сзади ложится крепкая ладонь, и мой вдох получается рваным. Развернуться бы, оттолкнуть его, крикнуть громко, чтобы не смел подходить даже близко. Я же и так чувствую себя рядом с ним такой ничтожной, полнейшей неудачницей, и так снова сгораю от осознания своей чудовищной глупости.

Но моё тело так жаждет ласки. Не чьей-нибудь – его. Только на него настроено было все эти годы, и одно прикосновение вызывает ядерную реакцию в моих клетках.

Мужская ладонь скользит мне на горло, обхватывает подбородок. Пальцы сминают мои губы, заставляя в глубоком вдохе приоткрыть рот. Я моментально чувствую столь сильное возбуждение, что внизу даже становится больно.

Почему так? Полнейшая фригидность с другими, которых я дальше поцелуев не смогла впустить. И невыносимый жар, стоит Коту прикоснуться ко мне.

Это неправильно. Он ведь пьян. А я... Вот так вот, не поговорив, без слов, объяснений, без даже взглядов, но я поддаюсь. Когда Игорь сжимает второй рукой платье на моём животе и всем телом прижимается сзади, я вздрагиваю и выгибаюсь, упёршись затылком ему в плечо.

Обе его ладони ложатся мне на бёдра и скользят под платье. Котовский спускает мои трусики до колен и толкает на стол, укладывая вниз лицом. В голове яркими вспышками сигналист мысль, что это нужно остановить. Прекратить, прервать. Так нельзя. Я безумно хочу его, но не так!

Однако я не нахожу в себе сил отказать ни ему, ни себе. Вздрагиваю, когда чувствую, как он проводит пальцами по моей промежности. Я бесстыдно влажная, и я желаю его. Пусть даже и так.

Когда головка его члена утыкается между складок, я сжимаю пальцы на гладкой поверхности стола, почему-то отмечаю, как от моего дыхания образуется матовое облачко. Зажмуриваюсь, с опозданием понимая, что сейчас, наверное, будет больно, потому что прошло семь лет с нашей последней ночи, а Игоря сложно назвать обладателем скромного размера.

И оказываюсь права. Котовский входит не резко, но напористо, одним глубоким толчком. До боли закусываю губы, но всхлип сдержать не получается. Жгуче больно. Давит и распирает.

– Не жмись, – выдыхает Котовский.

Он совсем не понимает, почему я не могу расслабиться. Да ему, кажется, абсолютно всё равно. Игорь кладёт одну ладонь мне на поясницу, а второй сжимает запястье, заводит его за спину и начинает двигаться. Не быстро, но глубоко и размашисто. Выходит почти полностью, а потом снова и снова загоняет в меня член на всю длину.

В конце концов моё тело тоже подстраивается, перестаёт так гореть внутри, но каждой клеточкой своих внутренних мышц я ощущаю, как он растягивает меня. Резко, глубоко, совершенно не заботясь обо мне.

Да, именно так, ему абсолютно плевать. Это больше не мой Котик. Мой был нежным и заботливым, осторожным.

– Манюня, посмотри на меня, солнышко, – Котовский убирает с моей влажной щеки прилипшую прядь. – Ну, малыш? Открой глаза.

Там, где мы соприкасаемся, сейчас очень больно. Горит, жжёт огнём.

– Игорёчек, давай перестанем, пожалуйста, мне больно. Очень-очень.

– Малышка, мы же уже начали. Если сейчас прекратим, всё может зажить и зарости снова, и потом, когда решишься, будет ещё хуже. Давай потерпим? Немножко.

Наверное, он знает, о чём говорит. Опытный же. И тот факт, что девушек у него было много, сейчас меня совсем не бесит, даже наоборот, успокаивает. Котик знает, что делает.

Я киваю, всхлипываю, успокаиваясь, и пытаюсь расслабиться. Игорь снова целует меня, гладит, ласкает шею и грудь. Прижимает выше мои колени и снова толкается. Я опять всхлипываю, но под его поцелуями постепенно расслабляюсь.

Однажды я втихоря смотрела на айпаде видео, где пара занималась сексом. Там парень грубо вбивался в девушку, всаживался в неё. Так вот Котовский ведёт себя совсем иначе. Он двигается медленно, осторожно, при этом его длинные умелые пальцы делают там внизу что-то ещё, отчего мои ощущения меняются. Всё ещё больновато, но эти его действия начинают вызывать во мне приятное волнение. Внизу живота всё расслабляется, словно тёплой водой наполняется.

Да, я отдалась ему в первый же наш общий вечер. Я по глупости пошла на тусовку в институтское общежитие, и когда сильно запахло жареным, позвонила своей лучшей подруге, рыдая, чтобы сделала хоть что-то. Лера ради меня пошла на отчаянный для неё самый шаг – позвонила парню, который очень пугал и преследовал её. Потому что больше обратиться было не к кому. Мы то и с мальчиками особо не гуляли. И этим парнем был лидер известной тогда рок-группы Влад Миксаев, в которой играл и Котовский. Микс приехал вместе с Игорем, они вытащили меня из общаги, но парням, у которых из-под носа увели девчонку, это не понравилось. Была драка. Коту сильно досталось, но моя мама на скорой сказала, что всё будет хорошо.

Конечно же, Миксаев потребовал от Леры плату за помощь. Ей велено было прийти к нему с ночёвкой, но Игорь тоже мне написал, что мы приглашены. Лера вспоминала тот вечер с содроганием, а я с восторгом. Кроме того, что я познакомилась ближе со своими кумирами, я ещё и потеряла девственность с самым нежным и заботливым парнем на свете.

Но это было тогда. Тогда он был нежным и заботливым, тогда целовал меня везде и шептал нежные слова. Звал своим солнышком, малышкой. Притащил на

следующий вечер огромного плюшевого зайца и букет цветов. А сейчас всё иначе.

Сейчас я могу лишь вспоминать ту его нежность и, сцепив зубы, покоряться ему. Не могу смотреть в глаза через зеркало, когда он поднимает меня со стола и прижимает лицом к огромному зеркалу. Сжимает оба запястья словно в тиски, прижав к груди. И продолжает двигаться. Словно мстит за всю ту боль, что я ему принесла, вымещает её в этих резких, глубоких движениях.

Испытываю ли я наслаждение? Физически – возможно, но эмоционально он меня сейчас уничтожает. Втаптывает в грязь. А потом, кончив на пол, просто уходит из кабинета.

Я в ступоре. В какой-то вакуумной тишине. Поправляю на себе одежду, забираю инвентарь и ухожу. И только закрывшись в подсобке подальше от любопытных глаз, среди швабр и вёдер, я даю волю горьким слезам.

Теперь я точно знаю, кем он меня считает. Шлюха. Вот к чему был этот его вопрос. Котовский попользовался мной, выместил свою обиду за разбитое сердце. Легче стало, Игорь? Надеюсь. Хоть кому-то из нас, потому что на меня сегодня легла ещё одна бетонная плита.

Глава 10

На следующую ночь у меня по графику выходной. Я занимаюсь уборкой, отыскиваю припрятанные мамой бутылки. Стараюсь не думать о том, что произошло вчера ночью, но выходит не очень. И сдержать слёз не получается. Бесцеремонно растревоженные за столько лет мышцы отдают лёгкой саднящей болью, напоминая. Но физические ощущения – мелочь по сравнению с тем, что я чувствую в душе. Это было унижительно. Было ли это запланировано с его стороны или вышло порывом, хотел ли Игорь сделать мне больно или просто поддался воспоминаниям и старым обидам – я не знаю. Мне стыдно, я не знаю, как смотреть теперь ему в глаза. Он оскорбил меня, но стоило ему прикоснуться, я отдалась без единого слова. И самое странное, что, наверное, вернись я во вчерашний вечер, поступлю так же.

У меня есть гордость, она сейчас как побитая собака, скулит где-то глубоко в груди. Но ещё я умею быть честной с собой. Я хочу его. Думаю, всё ещё люблю. И как бы стыдно ни было признавать, не уверена, что не пойду к нему снова, если позовёт. Даже так, как вчера.

Как плата, чтобы быть рядом. Как плата за прошлые ошибки.

После уборки бегу по заказам. Сегодня у меня двое больных стариков, годовалый малыш с ДЦП и два антицеллюлитных. Руки к вечеру будут как не свои. Я всё же ещё не настолько матёрый массажист, чтобы с утра до ночи работать. Завтра тоже четверо клиентов, а потом смена в клубе.

И, как назло, ночь выходит беспокойной. Матери всё же удалось припрятать где-то полбутылки дешёвой водки, и ближе к полуночи она в своей комнатухе включила громко «Анатомию Грей» и начала комментировать, не соглашаясь с действиями врачей. Да и мысли голову разрывали. Крутились бесконечно, вспыхивая фрагментами воспоминаний. Путались в гипнотическом полумраке ночи, когда не понять: то ли сон, то ли явь. Когда его руки то ласково гладят мои бёдра, то жёстко сжимают запястья. Всё смешивается, и это приносит ещё больше боли.

Вечером на смену я прихожу морально и физически измотанной. Нужно настроиться и отработать её хорошо, а завтра уже приду и свалюсь часов на шесть как минимум.

Не знаю, хочу ли увидеть сейчас Игоря. Нужно ли мне это? Я ведь всё понимаю.

Но увидеть его приходится, потому что старшая по смене сообщает, что без четверти восемь всех сотрудников Котовский срочно собирает на совещание в комнате персонала. Быстро переодеваемся с девочками, убираем одежду в шкафчики, немного наводим порядок в комнате. В 19.40 приходят и другие сотрудники – бармены, диджей, работники кухни, а через пять минут приходит и Кот.

Народ пропускает его и затихает, и мне кажется, что стук моего сердца слышно на всё помещение. Игорь проходит внимательным взглядом по всем присутствующим, ни на ком не задерживаясь. На мне в том числе. Но ведь я и не жду. Вчера он ясно дал понять, когда молча ушёл.

– Так, народ, – начинает он по-деловому и с энтузиазмом. – Сегодня мы работает в закрытом режиме на VIP-обслуживании. Клуб полностью снимают одни приезжие ребята. Вечеринка частная, все двери будут закрыты, выходить никому нельзя ни на перекуры, ни позвонить. К клиентам максимальная лояльность, но где находятся тревожные кнопки – вы знаете. Я буду с парой своих друзей в закрытой нише. Если какие-то вопросы, знаете, где меня искать.

Все немного напрягаются, но работа есть работа, так что, настроившись, расходятся по местам. Арина мне говорила, что закрытые VIP-вечеринки персонал не очень любит, потому что они имеют нередкое свойство выходить из-под контроля, но в «Royal Night» организована хорошая охрана, так что персонал чувствует себя в безопасности. Но всё же стоит быть начеку.

Гости приезжают на нескольких машинах ближе к половине десятого. Их человек тридцать, по большей части парни, но есть и девушки. Понятия не имею, кто они, да и неинтересно мне. Моя задача – хорошо работать и меньше думать о том, что произошло вчера.

Но, как назло, снова чувствую металлический привкус во рту. Блин!

Зажимаю нос рукой и прошу одну из девчонок подстраховать меня, если что вдруг, а сама иду к туалету. Опускаю голову над белоснежной раковиной и наблюдаю, как кровь частит из носа на белый фаянс. Слабость накатывает липкими волнами, делая ноги ватными. Кажется, будто воздуха очень мало.

Я расстёгиваю ворот платья, открываю холодную воду и умываюсь, стараясь не намочить ресницы. Голова кружится.

Терпеть не могу, когда накатывает эта слабость. Особо денег на обследование не было, а в государственной больнице сказали, что просто гемоглобин низкий, нужно питаться усиленно. Да просто устала. У меня и раньше, ещё с детства, были эти кровотечения, просто сейчас чаще стали, потому как взрослая жизнь – не сказка.

Прикрываю глаза, чувствую, что меня ведёт. Снова из носа начинает течь. Я выдёргиваю несколько бумажных полотенец, зажимаю нос и сползаю на пол по стене прямо возле раковины.

Сейчас пройдёт. Отпустит. Всегда быстро отпускает, надо только немного перетерпеть тошноту.

Внезапно распахивается дверь, и в предбанник входит Игорь. Смотрит, нахмурившись.

– Я сейчас иду, минутку, – говорю некрасивым гнусавым голосом, всё ещё продолжая зажимать нос. Уж никак эта кровь не хочет останавливаться. – Девочки обещали подхватить мой столик.

Вижу, что он злится. Губы сжимаются в тонкую линию, на скулах натягиваются желваки, а брови сходятся к переносице. Раньше, когда он на что-то сердился, мне так нравилось разглаживать пальцами эту хмурую складку, а потом целовать. Обычно он тогда делал брови домиком, балуясь, и переходил к более серьёзным поцелуям с продолжением. Потому что эта сердитая складка почти никогда не появлялась из-за меня.

– Давно идёт кровь?

– Нет. Скоро закончится.

– Девочки сказали, ты ушла почти двадцать минут назад.

– Я уже сейчас вернусь, Игорь Владимирович, правда. Минутку.

– Покажи, – он присаживается напротив и отводит в сторону мою руку с салфеткой.

Я тут же ощущаю горячую влагу на губах, прижимаю руку обратно.

– Понятно.

Котовский снова поджимает губы. Мне становится страшно, потому что он и так относится ко мне не очень хорошо, а тут ещё и вопрос в моей трудоспособности. Я же ещё даже не отработала испытательный срок.

– Вставай, Маша, – он берёт меня под локти и помогает подняться.

Головокружение тут же усиливается, и перед глазами сыплется чёрными мушками. Мне невыразимо стыдно перед Игорем, хотя единственное, чего мне сейчас так отчаянно хочется – это чтобы его сильные руки не дали мне упасть, удержали, обняли. Но, Маша, это только мечты.

Руки немеют до самых плеч, и я чувствую, что плыву. Ноги совсем не держат. Если бы не Игорь, уже бы свалилась на каменный пол, разбив голову о раковину.

– Ещё раз!

Кажется, всё немного проясняется, когда в лицо мне снова плещет ледяная вода. Очертания в зеркале напротив становятся чётче. Не успеваю глубоко вдохнуть, как Котовский, продолжая придерживать меня крепко одной рукой, набирает в пригоршню воду и плещет мне в лицо в третий раз. Немного закашливаюсь, это тоже приводит в чувство.

– Мне очень жаль, Игорь, – выходит хрипло, пока я прочищаю горло и вытираю под глазами подплывшую тушь.

Он ничего не отвечает. Сжимает крепко за плечо, позволяя привалиться к его твёрдой груди, и уводит из туалета. Голова всё ещё немного кружится, и я даже не спрашиваю, куда он меня ведёт. Наверное, сейчас вызовет такси и вышвырнет. А я же, как мазохистка, ловлю последние крохи его близости.

Но Котовский приводит меня в свой кабинет и усаживает на диван.

– Игорь, всё нормально, я могу идти работать, – пытаюсь встать на нетвёрдые ноги, но он кладёт руку мне на плечо и возвращает обратно, что-то параллельно набирая в телефоне.

– Просто сядь, Маша, – говорит раздражённо, засовывая телефон в задний карман джинсов. – Дай мне руку.

Дам я или нет ему руку, значение имеет несущественное. Он сам берёт моё запястье и прижимает два пальца на лучевой артерии, смотрит на часы и хмурится. Я молчу и просто слушаюсь. Возражать нет ни сил, ни желания.

– Откинь голову, – Коту что-то не нравится в замере пульса на запястье, и он прижимает два пальца к артерии на моей шее.

Не знаю, какие показатели его напрягли. Сердце частит, естественно это, когда слабость, но измерения прикосновением его пальцев ко мне в любом случае даст результат необъективный.

В дверь стучат.

– Войдите.

В кабинет входит высокий мужчина. Довольно молодой, с ясными светлыми глазами и красивой улыбкой.

– Ну что? – перехватывает у Игоря моё запястье. – Тахикардийка на фоне переутомления, я так понимаю?

– А вы кто? – пытаюсь отнять руку, но мне её не отдают.

Мужчина показывает знаком молчать, что-то считает, а потом отпускает и широко улыбается.

– Зернов Захар Леонидович. Друг вашего начальника, с которым он сегодня выпил по бутылке пива. Ну и врач-гинеколог по профессии. Игорь написал, что вам стало плохо, сейчас разберёмся.

– Ещё чего, – таращу на него глаза. Котовский совсем, что ли – гинеколога мне притащил.

– Спокойно, Мария, я вроде как и в общей терапии не олень. Игорёк, у тебя же есть в аптечке тонометр?

Котовский из шкафчика достаёт прозрачный большой контейнер и вытаскивает из него коробку с тонометром.

– О, хорошо, что не электронный, мне нужен стетоскоп отдельно.

Мне вообще-то всё это не очень нравится. Я понимаю, что Котовский заботится о сотрудниках, но терапевтический осмотр выпившего гинеколога мне сейчас совершенно не нужен.

– Всё со мной нормально, я уже пойду работать.

Но кто бы меня тут слушал. Этот Захар Леонидович измеряет мне давление, недовольно морщится, потом отсоединяет стетоскоп от аппарата и прикладывает к груди, слушая сердце.

Котовский стоит молча, сложив руки на груди.

– У неё кровь из носа уже не впервые.

– Угу, – врач продолжает внимательно слушать сердцебиение. – Так, Мария, вы когда последний раз спали?

– Ночью, – хотя сном это назвать сложно, конечно.

– Сколько часов?

– Не помню.

Этот Зернов встаёт и словно забывает о моём существовании.

– Игорь, у неё истощение. Низкое давление, пульс частит. Девочке надо хорошо поесть и выспаться. И желательно делать это регулярно. Она или на диетах сидит или...

Что за наглость – говорить обо мне в третьем лице, когда я здесь? И вот эта пауза. Ну давай, док, скажи, что ...или мне жрать нечего.

– Короче, я напишу, какие бы попить витамины, да и кровь сдать не помешало бы.

Зернов что-то черкает на листке и оставляет у Котовского на столе.

– Теперь я могу идти? – спрашиваю у Игоря, когда док уходит продолжать пить своё пиво.

В ответ получаю взгляд и молчание. И даже затрудняюсь этот взгляд охарактеризовать. Не злой, не давящий, но и не такой, как бы мне хотелось. Котовский молча открывает шкаф, достаёт оттуда подушку и плед и кладёт рядом со мной на диван.

– Спи, – только и говорит, а потом уходит из кабинета, повернув в замке ключ.

Глава 11

Кто я, чтобы спорить с начальством? Сказано спать, значит, буду спать. Не вставая, бросаю подушку и расправляю плед. Сталкиваю балетки и залезаю на диван, поджав ноги. Уткнувшись носом в подушку, глубоко втягиваю запах. Теперь он так пахнет. Мягко, маняще, с глубокой мужской ноткой и отдалённо ещё чем-то знакомым, чем-то, что, на первое восприятие не вписывается в букет парфюма. Я узнаю эти дополнительные нотки – горький миндаль.

Наверное, даже до трёх я досчитать не успеваю, потому что выключаюсь как лампочка. Просто проваливаюсь в темноту без снов и ощущений. Просыпаюсь же от чувства, что на меня смотрят.

Котовский сидит за своим столом и что-то печатает в ноутбуке при включенной настольной лампе. За окном уже почти рассвело, значит, сейчас около половины шестого утра. Получается, я проспала всю смену.

– Доброе утро, – говорит он негромко, не отрываясь от работы и даже не глядя на меня. – Поешь и приведи себя в порядок, через двадцать минут собрание.

Рядом на столике замечаю тарелку, накрытую куполом и чашку с кофе. Рот заполняется слюной, едва я улавливаю запах, но... это уже слишком.

– Спасибо, Игорь, но я поем дома.

Он ничего не отвечает, лишь пожимает плечами и продолжает работать.

– Я могу воспользоваться ванной? – надеюсь не сочтёт за наглость и не отправит в общий туалет, вдруг я кого-то встречу, как тогда объяснять свой вид? Да и как вообще объяснить коллегам, где я подевалась на всю смену?

Не поднимая на меня глаз, Кот кивает в сторону узкой двери сбоку от своего стола. Я тихо прохожу, стараясь его не отвлекать, и юркаю за дверь. Умываюсь, тщательно смывая вечерний макияж, чищу зубы пальцами, выдавив на них немного пасты, причёсываюсь тонкой расчёской, которую нахожу тут же, потом тщательно споласкиваю её.

Наверняка Игорь проводит много времени на работе, раз уж в его кабинете есть всё, чтобы несколько дней не возвращаться домой. Скорее всего, и комплект сменной одежды имеется, может, и не один.

Влажными руками приглаживаю форменное платье, поправляю колготки, оттираю пыль с балеток. Ну вроде бы относительно лучше на вид, особенно если учесть, что синяки под глазами не такие, как с вечера, хоть я тщательно их и замазывала перед сменой.

Выхожу из ванной и возвращаюсь к дивану, аккуратно складываю плед и подушку.

– Спасибо большое, Игорь, – мнусь у двери, но всё же решаюсь спросить, хоть ответ и так предполагаю. – Ты теперь меня уволишь?

Он наконец поднимает на меня глаза, смотрит несколько секунд.

– Нет, – лаконично бросает и снова возвращается к работе.

Решаю не отвлекать его больше лишней болтовнёй. Насколько знаю, он вообще болтливых женщин не любит. Однажды Миксаев мне сказал, что очень удивлён, что Кот вообще терпит мой трёп. Он однажды на какой-то их тусовке так утомился слушать бесконечные разговоры одной из девушек, что отодрал от бутылки с водкой наклейку и залепил ей рот. Потому Влад очень удивлялся, что Игорь слушает, что я говорю, а я была любительница поболтать обо всем и ни о

чём толком.

Берусь за ручку двери и дёргаю на себя, но она оказывается заперта. Наверное, защёлка закрыта изнутри. Поворачиваю, но она не поддаётся.

– Э... Игорь, тут закрыто.

– Угу.

– Дашь ключ?

– Когда поешь.

Ещё пару секунд мнусь у двери, но Котовский продолжает делать вид, что не замечает меня. Внутри вспыхивает злость. Знаешь ли, Котик, это уже перебор! Я не ручная зверушка. Едва набираю в лёгкие воздух, чтобы ответить, как Игорь поднимает на меня абсолютно непроницаемое лицо и слегка изгибает левую бровь. Дескать, ну давай, я готов поговорить.

И я сдуваюсь. Кофе и правда пахнет вкусно. Это же забота, да? Можно, я так буду думать?

Выдыхаю и прохожу к столику, открываю крышку и едва не давлюсь слюной. Запечённый кусочками с зеленью картофель и сочный стейк из говядины. Работа наших поваров. Ещё даже пар идёт.

– Ты будешь? – спрашиваю Кота.

– Уже поел. Поторопись, до собрания десять минут.

Ем с удовольствием, несколько раз ловлю на себе взгляд Игоря, что как-то странно.

– Спасибо. Теперь выпустишь? – складываю аккуратно приборы.

Котовский закрывает ноутбук и встаёт из-за стола.

– Ты не всё съела, Маша. Захар сказал, у тебя истощение, нужно хорошо питаться. Мне не нужны сотрудники, падающие в обмороки. Доешь и спускайся.

Игорь забирает блокнот и выходит из кабинета, оставляя меня одну. Что ж, ему действительно не нужны сотрудники, непригодные для работы.

Я всё доедаю, быстро пью кофе, складываю посуду и уношу. Успеваю забежать внизу на кухню и поставить всё в посудомоечный отсек. Чувствую себя намного лучше, чем вчера. По пути к комнате персонала натыкаюсь на Ирину.

– Где это ты была? – она складывает руки на груди, тормозя меня в проходе.

– Тебе забыла отчитаться. Ты вроде бы не старшая по смене, – зеркалю её жест. – И вообще, нам стоит поторопиться, сейчас начнётся собрание.

– Так ты не в ту сторону торопишься, Мария, – красивые губы растягиваются в змеиной улыбке. – Летучка в основном зале.

Пошла она. Сучка настоящая.

Разворачиваюсь и быстрым шагом иду в сторону основного зала. Клиентов давно нет, музыка молчит, всё уже убрано и горит яркий свет. Замечаю на лицах коллег напряжение. Неужто, пока я видела десятый сон в кабинете Игоря, что-то произошло?

– Итак, друзья мои, – Кот поднимается на небольшое возвышение возле барки и внимательно осматривает персонал своим слегка прищуренным внимательным взглядом. – Сегодня у нас произошло весьма неприятное, хоть, к счастью, и редкое событие. Виталий, послушаем вместе, дабы разобраться.

Все поворачиваются к одному из наших официантов, который является сегодня старшим по смене.

– Сегодня от клиентов была жалоба. Кто-то из них досмотрел в чеке бутылку Шабли, которой на столе не было. Мы с менеджером провели ревизию всех винных холодильников ниш и основного зала, но бутылки нет и там, штрих-код активирован не был.

– Это очень досадная ситуация, – в фирменном кошачьем прищуре проскальзывает недобрый блеск, и я замечаю, как напрягаются ребята. – Я делаю условия вашего труда на уровень выше, чем в заведениях конкурентов, обеспечиваю вашу безопасность, но взамен хочу вам доверять. У нас подобное случается редко, но тем не менее.

– А может быть, это сделал тот, кто с нами совсем недавно и не в курсе, как у нас тут устроено? – презрительный голос Ирины раздаётся прямо у меня из-за спины, и парочку взглядов неприятных я ловлю на себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/malinovskaya_masha/po-rukam-i-nogam

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)